

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ЧЕРНОВИК
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сергей Патрушев

Черновик преступления

«Автор»

2026

Патрушев С.

Черновик преступления / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса, двадцатилетняя студентка и начинающая писательница, приходит на свадьбу лучшей подруги Беллы, которая выходит замуж за Артёма — наследника огромной империи и всеобщего «золотого мальчика». Один мимолётный взгляд жениха, холодный и оценивающий, заставляет её усомниться в идеальности этой пары. Она делает первую запись в новом блокноте: «Идеальный муж или идеальная маска?» С этого вопроса начинается опасное расследование. Вместе со старым знакомым, талантливым программистом Сергеем, Алиса погружается в мир подставных фирм, контрабанды и отмывания денег. Чем глубже они копают, тем яснее становится: за безупречной репутацией Артёма скрывается нечто тёмное. А Белла, оказавшаяся в ловушке брака, боится не только за себя, но и за своего будущего ребёнка. Когда Белла исчезает, а Артём похищает черновик Алисы, превращая его в «сценарий убийства», игра становится смертельной.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свадьба года	5
Глава 2. Женское чутьё	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Черновик преступления

Глава 1. Свадьба года

Стеклянные двери банкетного зала разъехались перед Алисой бесшумно, с той особой, выверенной плавностью, какая бывает только у механизмов, стоимость которых сопоставима с годовым бюджетом небольшого города. И в тот же миг на неё обрушился целый мир — мир, существующий по иным законам, нежели тот, к которому она привыкла. Это был не просто контраст между её съёмной квартиркой на окраине и этим дворцом из стекла, мрамора и хрусталя. Это было столкновение двух вселенных, разделённых невидимой, но оттого не менее прочной стеной, возведённой из денег, статуса и той особой породы уверенности, которая передаётся по наследству вместе с фамильными драгоценностями и местами в советах директоров.

Воздух здесь был плотным и сладким, перенасыщенным ароматами живых цветов, дорогого парфюма и едва уловимого, но отчётливо различимого запаха денег — той самой смеси, которую не купишь ни в одном бутике, потому что она состоит из сотен невидимых компонентов: запаха свежееотглаженного шёлка, лёгкой горчинки коллекционного шампанского, древесных нот интерьера, отделанного редкими породами дерева, и ещё чего-то неуловимого, что Алиса всегда определяла для себя как «запах закрытого клуба». Этот запах окутывал её, проникал в лёгкие, обволакивал сознание, заставляя чувствовать себя незваной гостьей на чужом празднике жизни.

Люстры, свисающие с многоярусных потолков на тонких, почти невидимых тросах, рассыпали по мраморному полу мириады тёплых искр. Эти искры дробились в хрустальных бокалах, вспыхивали в бриллиантовых подвесках, отражались в отполированных до зеркального блеска туфлях гостей и танцевали на белоснежных скатертях, натянутых так туго, что казались накрахмаленными до состояния фарфора. Каждая деталь этого зала — от гигантских цветочных композиций, возвышающихся на постаментах, до тончайших серебряных приборов, разложенных с математической точностью, — кричала о статусе, о принадлежности к тому самому миру, вход в который для таких, как Алиса, был возможен лишь по специальному приглашению и лишь на правах наблюдателя.

Алиса невольно замерла на пороге, чувствуя, как подол её тёмно-синего платья — единственного «вечернего» наряда, который ей удалось найти в секонд-хенде на прошлой неделе и подогнать по фигуре собственными руками за три бессонные ночи — цепляется за невидимую границу этого другого мира. Она потратила на это платье почти все сбережения, отложенные с летней подработки в кофейне, и дома, перед зеркалом, оно казалось ей верхом элегантности. Сейчас же, в этом зале, среди женщин в нарядах от-кутюр, сшитых по индивидуальным меркам в ателье Парижа и Милана, она чувствовала себя ряженой, случайно забредшей на чужой карнавал.

Она знала, что свадьба будет пышной. Знала, что семья Артёма — эти самые Громы, чья фамилия встречалась на каждом втором строительном кране в городе, — не признаёт полумер. Знала, что её лучшая подруга Белла, с которой они ещё год назад делили пополам дешёвую пиццу в общаге и занимали друг у друга по сто рублей до стипендии, теперь входит в этот

мир на правах полноправного члена. Но одно дело — знать, и совсем другое — стоять посреди этого великолепия, ощущая себя случайной песчинкой, занесённой ветром в идеально отлаженный механизм дорогих швейцарских часов.

Огромный зал «Империял-Паласа», самого престижного отеля города, того самого, где останавливались президенты, олигархи и заезжие знаменитости, был превращён в подобие зимнего сада. Повсюду высились арки из белых роз и орхидей — живых, не искусственных, что само по себе стоило целое состояние, учитывая конец сентября и доставку цветов спецрейсами из Голландии. С потолка спускались каскады зелени, увитые светящимися гирляндами, создающими иллюзию звёздного неба, а в центре, на небольшом возвышении, словно архитектурный шедевр, а не десерт, возвышался многоярусный торт высотой, наверное, в полтора человеческих роста. Алиса смотрела на него и думала о том, что один только этот торт, вероятно, стоит больше, чем всё, что она заработала за последний год.

Она сделала глубокий вдох, стараясь унять предательскую дрожь в коленях. Воздух здесь был другим — более плотным, более насыщенным, словно сам воздух был здесь привилегией, которую нужно было заслужить. Она снова поправила и без того идеально сидящий лиф платья, провела ладонью по волосам, уложенным в простую, но элегантную причёску, которую она соорудила сама, просмотрев с десятков видеоуроков на ютубе. Дома, перед зеркалом, в мягком вечернем свете настольной лампы, она чувствовала себя почти красавицей. Здесь, в этом ослепительном сиянии, безжалостно высвечивающем каждую несовершенную деталь, уверенность таяла, как утренний туман под первыми лучами солнца.

Она осознавала, что её платье, хоть и красивого глубокого синего оттенка, который так шёл её карим глазам и тёмным волосам, всё же выдавало своё происхождение в мелочах: в том, как драпировалась ткань, недостаточно дорогая, чтобы струиться идеальными складками; в том, как сидел рукав, чуть шире, чем нужно; в том, что подол был подшит не вручную, а на машинке, и это, вероятно, было заметно тому, кто разбирался в подобных вещах. А здесь, судя по всему, разбирались все.

— Алиса! Ну наконец-то!

Голос Беллы, звонкий и радостный, разрезал гул толпы, словно луч прожектора, пробивающийся сквозь плотный туман. Алиса обернулась и увидела свою лучшую подругу, которая буквально плыла к ней сквозь толпу гостей, расступающихся перед ней, словно морские волны перед носом корабля. Белла была ослепительна. Иначе и быть не могло. Её белоснежное платье, похожее на облако из тончайшего кружева и шёлка, струилось за ней, повторяя каждое движение, каждый шаг, каждый вдох. Оно было сшито так искусно, что казалось не творением человеческих рук, а неким природным явлением, случайно принявшим форму свадебного наряда. Длинный шлейф, который держали две незаметные помощницы, тянулся за ней на несколько метров, и в этом было что-то королевское, что-то, что заставляло гостей оборачиваться и восхищённо шептаться.

Длинные светлые волосы Беллы, обычно собранные в небрежный пучок, в котором она ходила на лекции, теперь были уложены в замысловатую причёску, украшенную крошечными жемчужинами, каждая из которых, вероятно, стоила больше, чем месячная аренда квартиры Алисы. А в её голубых глазах, всегда таких открытых и искренних, сейчас сверкал восторг, смешанный с лёгким, почти детским испугом — тем самым испугом, который испытывает человек, внезапно оказавшийся в центре внимания целого мира.

— Ты опоздала! Я уже думала, ты не придёшь, — Белла обняла подругу, окутывая её облаком аромата дорогих духов, тех самых, что рекламировали на разворотах глянцевого журнала. Аромат был нежным и стойким одновременно, с нотками пиона и чего-то цитрусового, и он так не вязался с той Беллой, которую Алиса помнила по общежитию — с её дешёвым спреем для тела из масс-маркета и привычкой душиться так, что соседки чихали в коридоре. — Боже, ты выглядишь потрясающе! Этот цвет тебе невероятно идёт. Ты всегда говорила, что не умеешь носить вечерние платья, а сама выглядишь как модель!

— Это ты потрясающе выглядишь, — искренне ответила Алиса, отстраняясь и рассматривая подругу. — Ты как принцесса из сказки. Настоящая невеста с обложки. Честное слово, если бы я не знала тебя лично, я бы подумала, что ты сошла со страниц какого-нибудь журнала.

Белла рассмеялась, слегка покраснев. Этот румянец, проступивший сквозь тонкий слой профессионального макияжа, сделал её лицо живым, настоящим, и на мгновение Алиса увидела прежнюю Беллу — ту самую, которая плакала из-за несданного экзамена, которая тайком таскала из холодильника чужой йогурт и которая могла полночи спорить о смысле жизни, лёжа на скрипучей кровати в общежитии.

— Ой, перестань. Я всю ночь не спала, всё переживала. Артём говорит, я слишком эмоциональна. Но я просто хочу, чтобы всё было идеально. Это же самый важный день в моей жизни! Понимаешь? Самый важный день. И я хочу, чтобы он был идеальным во всём, до последней мелочи. Чтобы через двадцать лет, когда мы будем сидеть с Артёмом на нашей вилле где-нибудь в Тоскане, я могла достать фотографии и сказать: «Смотри, дорогой, это был лучший день в нашей жизни».

Она говорила быстро, почти скороговоркой, и в её голосе слышалось то самое возбуждение, которое граничит с истерикой. Алиса слишком хорошо знала эту интонацию. Белла всегда так говорила, когда нервничала, когда пыталась убедить саму себя в том, во что не до конца верила. Но сейчас Алиса не стала заострять на этом внимание. Она понимала: у невесты перед свадьбой есть право на лёгкое помешательство.

Белла схватила её за руку и потянула за собой вглубь зала. Её ладонь была горячей и чуть влажной, несмотря на то, что в зале работали мощные кондиционеры, поддерживающие комфортную температуру.

— Пойдём, я познакомлю тебя кое с кем! Здесь столько народу, ты просто обязана всё увидеть. И мама Артёма так хотела с тобой познакомиться, я ей столько о тебе рассказывала. Она даже спросила, не та ли ты самая Алиса, которая пишет рассказы и мечтает стать писательницей. Я сказала — да, та самая. И она заинтересовалась. Представляешь? Мама Артёма заинтересовалась тобой!

Алиса послушно следовала за подругой, лавируя между группами гостей, которые с любопытством поглядывали на них. Она чувствовала себя немного потерянной. Белла, её Белла — смешливая, немного неуклюжая студентка филфака, с которой они делили пополам дешёвую пищу в общежитии и ночами обсуждали прочитанные книги, спорили о Достоевском и Толстом, мечтали о прекрасном будущем, — теперь казалась другим человеком. Не хуже, нет. Просто другой. Она была здесь своей. Она принадлежала этому миру так же естественно, как все эти люди, чьи имена печатали в колонках светской хроники, чьи фотографии появлялись в

журналах, и чьи разговоры состояли из обсуждения акций, недвижимости и планов на зимний отдых в Куршевеле.

— Познакомься, это Алиса, моя лучшая подруга и самый талантливый писатель, которого я знаю! — объявила Белла, представляя её группе своих родственников, чьи имена Алиса тут же забыла. Она вежливо улыбалась, кивала и пожимала руки, стараясь запомнить хотя бы основные лица, но в голове всё смешалось в один блестящий калейдоскоп. Она различала лишь смутные образы: вот женщина с бриллиантовым колье, достойным королевской сокровищницы; вот мужчина с часами, которые стоили как квартира; вот ещё одна дама, чьё лицо, казалось, было знакомым по обложкам журналов, но никак не желало связываться с конкретным именем.

Она видела мать Беллы — элегантную женщину с усталыми глазами, которая рассеянно поприветствовала её и снова погрузилась в разговор с какой-то важной дамой. Она выглядела потерянной, словно весь этот праздник был для неё чем-то чуждым, свалившимся на голову неожиданно и не вполне осознанно. Алиса задумалась о том, что чувствует мать невесты, когда её дочь выходит замуж за человека, чья семья находится на недостижимой высоте. Вероятно, смесь гордости и страха. И, возможно, толику зависти.

Видела отца Артёма — невысокого, плотного мужчину с пронизывающим взглядом, который чем-то напомнил ей коршуна, высматривающего добычу. Он говорил с другим гостем о каких-то инвестициях, и Алиса почувствовала, как её окатило волной ледяного безразличия, исходящей от него. Ему было плевать, кто она такая. И это было понятно. Для него она была лишь одной из бесчисленных знакомых его невестки, пришедших на праздник. Мелкая сошка, недостойная его внимания. И в этом не было ни злобы, ни высокомерия — лишь абсолютная, выверенная веками иерархия, в которой каждый знал своё место.

Она старалась запоминать лица, но вскоре они слились в одно: лица, отмеченные печатью богатства и уверенности, лица, знающие свои места, лица, на которых застыли вежливые улыбки, не достигающие глаз. Эти люди умели говорить ни о чём часами, обмениваться любезностями, которые ничего не значили, и создавать видимость оживлённой беседы там, где на самом деле царила пустота. Алиса никогда не понимала этого. Она привыкла к миру, где слова имели значение, где разговоры были либо искренними, либо не существовали вовсе. Здесь же всё было иначе. Здесь слова были валютой, которую тратили с осторожностью и расчётом, никогда не отдавая больше, чем необходимо.

И вдруг она поймала на себе взгляд. Нет, не просто взгляд. Это было прикосновение. Холодное, оценивающее, как лезвие скальпеля, которое на долю секунды прикоснулось к её позвоночнику и тут же исчезло. Взгляд был мимолётным, как вспышка. Как отблеск света на грани стекла. Но он был настолько ощутимым, настолько физически осязаемым, что Алиса вздрогнула, словно к её коже прикоснулись чем-то ледяным. Она инстинктивно повернула голову в сторону, откуда исходил этот взгляд, и сердце её сжалось.

Это был Артём.

Он стоял в группе мужчин, чуть поодаль, у одной из цветочных арок. Высокий, с идеальной осанкой, в безупречно сшитом смокинге, который сидел на нём так, будто был его второй кожей. Смокинг этот явно не был взят напрокат — он был скроен по фигуре, подчёркивая широкие плечи и узкую талию, и сидел так идеально, что казалось, будто Артём родился в нём.

Тёмные волосы, уложенные волосок к волоску, блестели в свете люстр. Волевой подбородок, чуть выступающий вперёд, придавал его лицу выражение решимости и уверенности. На губах играла лёгкая светская улыбка — та самая, которая ничего не означает, но создаёт иллюзию дружелюбия.

Он слушал какого-то пожилого гостя, слегка наклонив голову, и казался воплощением внимания и учтивости. Каждое его движение было выверенным, каждое выражение лица — отрепетированным. Он был похож на актёра, играющего роль идеального наследника, и играющего её безупречно. «Золотой мальчик», — подумала Алиса. Именно так его называли. Она слышала это прозвище от Беллы, от общих знакомых, даже от случайных людей, обсуждающих семью Громовых в новостях. Наследник империи, любимец семьи, надежда отца, предмет зависти сверстников и воздыхания девушек. Идеальный Артём. Идеальный жених для идеальной Беллы.

Но этот взгляд... Он не вязался с тем образом, который он демонстрировал миру. В нём не было ни тепла, ни интереса, ни простого человеческого любопытства. Это был взгляд оценщика, который решает, стоит ли предмет его внимания занесения в каталог. Взгляд человека, который привык всё в своей жизни классифицировать, сортировать и раскладывать по полочкам. И вердикт, казалось, был не в её пользу. Ледяной холод, зародившийся где-то в груди, медленно расползся по венам, добравшись до кончиков пальцев. Это было необъяснимо, иррационально. Она видела его раньше — на фотографиях Беллы в соцсетях, на университетских мероприятиях, куда он иногда приезжал за подругой, в общих компаниях, куда её изредка приглашали. Он всегда был вежлив, обаятелен, улыбчив. Но она никогда не оставалась с ним наедине. И никогда не чувствовала этого холода.

Что это было? Неприязнь? Презрение? Или что-то другое, что-то, чего она не могла распознать? Алиса попыталась отогнать эти мысли, убеждая себя, что ей показалось. Она слишком мнительна. Слишком много читает и пишет. Видит интриги там, где их нет. Но холод в груди не проходил. Он обосновался там, как незваный гость, и отказывался уходить.

— Алиса, ты меня слушаешь?

Голос Беллы вырвал её из оцепенения, и Алиса вздрогнула во второй раз за последние несколько минут.

— Да, прости, — она тряхнула головой, пытаясь отогнать неприятное чувство. — Задумалась. Здесь так красиво, что голова кругом.

— Это точно, — улыбнулась Белла, сжимая её локоть. — Я сама до сих пор не могу поверить, что всё это происходит со мной. Иногда мне кажется, что я сейчас проснусь, а всё это — просто сон. Красивый, невероятный сон.

Они отошли к огромному панорамному окну. Город внизу сверкал тысячами огней, и эта рукотворная россыпь звёзд казалась отсюда, с высоты птичьего полёта, чем-то нереальным, игрушечным. Алиса смотрела на этот город и думала о том, что где-то там, далеко внизу, осталась её прежняя жизнь: её маленькая съёмная квартира, её старенький ноутбук, её недописанные рукописи, её мечты о литературной славе. А здесь, наверху, в этом стеклянном дворце, существовала совсем другая реальность, в которую её впустили лишь на время.

— Белла, — тихо спросила Алиса, не отрывая взгляда от огней. — Ты счастлива?

Белла на мгновение замолчала, и Алиса услышала в этой паузе отголосок чего-то, что ей не понравилось. Это была не та пауза, которую делают перед ответом на простой вопрос. Это была пауза, во время которой человек подбирает правильные слова, чтобы скрыть правду.

— Конечно, счастлива, — ответила она, но её голос прозвучал не так беззаботно, как раньше. — О чём ты? Артём — замечательный. Он... он всё делает, чтобы я чувствовала себя королевой. Посмотри на всё это. Это же всё для меня.

— Для вас, — мягко поправила Алиса, стараясь улыбнуться.

— Да, для нас, — Белла улыбнулась, но улыбка не коснулась её глаз. — Знаешь, иногда мне кажется, что я сплю. Что я проснусь в своей старой комнате, в своей старой кровати, и окажется, что всё это было лишь сном. А потом я вижу кольцо, вижу Артёма, и понимаю, что это моя жизнь. Моя новая, прекрасная жизнь.

Она повернулась к Алисе и взяла её за руки. Её пальцы были холодными, несмотря на тепло, царящее в зале.

— Я так рада, что ты здесь. Ты — единственная, кто знает меня настоящую. Кто знает, какой я была до... до всего этого. И я так благодарна тебе за то, что ты остаёшься рядом. Многие... многие изменились ко мне, когда узнали о помолвке. Одни стали заискивать, другие — завидовать. А ты осталась прежней. Ты единственная, с кем я могу быть самой собой.

— Я всегда буду рядом, — ответила Алиса, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Ты моя лучшая подруга. Даже если ты теперь светская львица, а я так и осталась занудой с блокнотом.

Белла рассмеялась, и на этот раз её смех был искренним, тем самым, прежним, который Алиса так хорошо знала.

— Никакая ты не зануда. Ты — будущая великая писательница. Кстати, об этом! Ты принесла свой новый блокнот? Ты говорила, что тебе нужно всё записывать, что попадает на глаза. Что это будет твой новый роман.

Алиса кивнула. В её маленькой сумочке действительно лежал новенький блокнот в кожаной обложке, который она купила специально для этого дня. Она увидела его в маленьком книжном магазинчике недалеко от университета и сразу поняла, что он ей нужен. Это был блокнот мечты: тёмно-коричневая кожа, пахнущая настоящим, качественным материалом, плотная кремовая бумага, на которой так приятно писать перьевой ручкой, и тонкая закладка-лента, выглядывающая из обреза страниц. Она потратила на него почти все деньги, которые у неё были с собой, но не пожалела. Ей казалось, что свадьба такого масштаба — это готовый материал для будущего романа. Типажи, детали, обрывки разговоров, скрытые страсти под масками светской учтивости. Она собирала всё это, как коллекционер собирает редкие экспонаты, и складывала в свою память, чтобы потом перенести на бумагу.

— Да, — ответила она. — Принесла.

— Ну вот и отлично, — просияла Белла. — Записывай всё. Я хочу, чтобы однажды ты написала книгу об этом дне. Обо всех этих людях. Обо мне. Только сделай меня красивой и счастливой, ладно?

— Ты и так красивая и счастливая, — улыбнулась Алиса.

— Ой, мамочки, — вдруг спохватилась Белла, бросив взгляд на часы. — Мне пора. Через пятнадцать минут начинается церемония. Мне нужно... мне нужно собраться.

Она обняла Алису ещё раз, крепко и порывисто, так, что Алиса почувствовала, как бьётся сердце подруги — быстро-быстро, словно пойманная птичка.

— Не исчезай, ладно? — прошептала Белла ей на ухо. — После церемонии я найду тебя.

И она упорхнула, оставив после себя лишь аромат духов и лёгкое, почти неуловимое чувство тревоги, которое повисло в воздухе, как едва заметная дымка.

Алиса осталась у окна. Гул в зале стал громче, гости начали рассаживаться по местам, готовясь к церемонии. Она искала глазами Артёма. Он снова был идеален. Он стоял у импровизированного алтаря, устроенного в дальней части зала, и разговаривал с распорядителем церемонии, отдавая последние указания. Его лицо было спокойным, сосредоточенным. Он улыбался той же открытой, обаятельной улыбкой. Никакого холода. Никакого льда. Просто счастливый жених.

Но тот взгляд не шёл у неё из головы. Он был слишком быстрым, чтобы его можно было принять за простое любопытство. Он был слишком целенаправленным. Этот взгляд не скользнул по ней, как скользят взглядом по незнакомому человеку в толпе. Он вонзился. Он оценивал. Он измерил её, взвесил и вынес вердикт. И от этого Алисе стало по-настоящему не по себе.

Она села на свободное место в одном из последних рядов, подальше от центра. Ей не нужно было быть в первом ряду. Ей достаточно было видеть происходящее, чтобы уловить суть. Она всегда предпочитала оставаться наблюдателем, тем невидимым свидетелем, который фиксирует детали, ускользающие от глаз главных действующих лиц. И сейчас этот навык мог ей пригодиться.

Зазвучала торжественная музыка. Все встали. По проходу, усыпанному лепестками роз, в сопровождении отца, шла Белла. Она была прекрасна. Из глаз её лились слёзы счастья, и Алиса почувствовала, как её собственные глаза щиплет. На какое-то мгновение она забыла о своём странном ощущении, растворившись в красоте момента. Это было действительно красиво. Белла выглядела так, словно сошла с обложки свадебного журнала: идеальная причёска, идеальное платье, идеальная улыбка, идеальные слёзы, катящиеся по щекам и сверкающие в свете люстр, как крошечные бриллианты.

Артём шагнул навстречу невесте, взял её за руку и повёл к алтарю. Его лицо выражало нежность и гордость. Он смотрел на Беллу так, как смотрят на самое дорогое, что есть в жизни. Алиса смотрела на него, пытаясь разглядеть хоть что-то, хоть трещинку в этой идеальной маске, но не видела. Идеальный муж. Идеальный жест. Идеальная церемония.

Священник начал говорить. Его слова, торжественные и размеренные, были похожи на успокаивающую молитву. Он говорил о любви, о верности, о том, что брак — это священный союз двух душ. Алиса слушала, но её мысли постоянно возвращались к тому мгновению, к ледяному взгляду. Она начала сомневаться, а не показалось ли ей? Может быть, она слишком мнительна? Слишком много читает и пишет? Видит интриги там, где их нет? Она сама была готова поверить в это, но холод в груди, который она ощутила тогда, был слишком реален, чтобы быть плодом воображения.

Внезапно, во время чтения клятв, Артём повернул голову. Его взгляд на секунду оторвался от Беллы и скользнул по залу. Это было быстрое, почти неуловимое движение, но Алиса уловила его, потому что не сводила с него глаз. И снова... Его взгляд остановился на ней. На этот раз он был дольше, быть может, на полсекунды. Он уже не был холодным. Он был... излучающим. Словно он увидел в её лице вопрос, который она не задала. И он ответил на него. Не словами, а этим самым взглядом. Ответом, который гласил: «Ты права».

Алиса похолодела. Ей показалось, что воздух в зале стал ледяным. Она почувствовала, как кровь отливает от лица, как сердце замирает, а потом начинает биться с утроенной силой. Что это было? Неужели он действительно... Нет. Нет, это невозможно. Она снова всё выдумывает.

Она отчаянно замотала головой, отгоняя наваждение. Глупости. Это всё нервы, незнакомая обстановка, блеск роскоши. Артём просто смотрел на гостей. Просто скользил взглядом по залу. Это ничего не значило. Совсем ничего.

Но это значило всё.

Церемония завершилась. Молодожёны обменялись кольцами и поцелуем. Зал взорвался аплодисментами. Алиса хлопала вместе со всеми, чувствуя, как ладони горят, а в горле пересохло. Ей нужно было выпить воды.

Она пробралась к фуршетному столу, взяла бокал с шампанским и сделала несколько жадных глотков. Искристый напиток обжёг горло и немного успокоил нервы. Она стояла в стороне, наблюдая, как гости поздравляют молодожёнов. Артём и Белла были окружены толпой. Вспышки камер, объятия, поцелуи, восклицания. Сказка продолжалась.

Алиса отошла к колонне, украшенной цветами. Ей нужно было побыть одной, переварить увиденное. Ей нужно было записать всё, что она чувствовала. Это было её способом справляться с эмоциями — переносить их на бумагу, анализировать, раскладывать по полочкам.

Она достала из сумочки новенький блокнот и ручку. Погладила гладкую кожаную обложку. Этот блокнот был символом её новой жизни, её новых начинаний. Она собиралась наполнить его историями, мыслями, наблюдениями. Но первая запись будет, пожалуй, самой загадочной.

Она открыла первую страницу. Бумага была плотной, кремовой, с едва уловимым запахом свежести. Она вывела дату и место. Затем, подумав мгновение, прикоснулась кончиком ручки к бумаге и начала писать. Почерк был торопливым, слегка смазанным.

«Свадьба года. Белла — воплощение счастья и красоты. Артём — идеальный жених. Гости — блеск и роскошь. Всё как в сказке. Но...»

Она остановилась. Что написать? Что она увидела в его взгляде? Как это описать словами? Как передать то чувство ледяного холода, которое охватило её, когда их глаза встретились? Она подняла взгляд и снова посмотрела на Артёма. Он улыбался гостям, но улыбка не была тёплой. Это была отрепетированная маска, идеально подогнанная под ситуацию. И только в глубине его глаз, если присмотреться, можно было увидеть что-то другое. Что-то пустое, холодное, безжалостное. Или ей снова мерещится?

Она перевела взгляд на Беллу. Подруга искренне смеялась над какой-то шуткой, запрокинув голову. Она была по-настоящему счастлива. Или ей тоже только кажется? Может быть, за этой радостью тоже скрывается что-то? Страх? Неуверенность? Попытка убежать от реальности? Может быть, Белла тоже носит маску, просто не такую, как у её мужа, а другую — маску счастья?

Алиса снова склонилась над блокнотом. Она знала, что должна написать. Это была единственная мысль, которая пульсировала в голове, которая не давала ей покоя. Это была тема, достойная начала нового романа. Или, возможно, начала конца этой сказки.

Она вывела заголовок, и буквы вышли острыми, колючими:

«Идеальный муж или идеальная маска?»

Она перечитала эти слова несколько раз. Они были не просто вопросом. Они были обвинением. И она, сама того не желая, только что вынесла его человеку, за которого только что вышла замуж её лучшая подруга.

Алиса захлопнула блокнот и сунула его обратно в сумочку. Она почувствовала, как за её спиной кто-то остановился. Это было не просто ощущение — она услышала лёгкое изменение в звучании воздуха, почувствовала едва уловимый запах дорогого мужского парфюма, который не мог принадлежать никому другому. Она медленно обернулась.

Это был Артём. Он стоял в нескольких шагах от неё, держа в руке бокал с шампанским. Его лицо было спокойным, но в тёмных глазах читалось то самое выражение, которое она видела в первый раз. Он смотрел на неё так, словно знал, что она только что написала.

— Алиса, верно? — его голос был низким, приятным, с тем особым тембром, который заставляет людей прислушиваться. Он подошёл ближе. — Белла так много о вас рассказывала.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы её голос не дрожал. — Алиса. Поздравляю вас с бракосочетанием.

— Благодарю, — он слегка наклонил голову. — Надеюсь, вам всё нравится.

— Всё просто великолепно, — ответила она, чувствуя, как его взгляд изучает её лицо, фигуру, одежду. Нет, не её платье. Он смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В его взгляде не было ни капли интереса. Только расчёт.

Он сделал глоток из бокала, не сводя с неё глаз.

— Я заметил, вы что-то записывали. Вы же начинающая писательница, если не ошибаюсь?

— Да, верно, — Алиса сжала сумочку в руке, инстинктивно прикрывая блокнот.

— Интересно, что же показалось вам достойным записи? — его тон был вежливым, но в нём слышался вызов.

— Всего лишь пара мыслей, — уклончиво ответила она.

— Мысли — это опасно, — усмехнулся Артём, но улыбка снова не коснулась его глаз. — Особенно, когда они рождаются под впечатлением от такого дня.

Он посмотрел на неё ещё мгновение, затем повернулся и направился обратно к гостям. Его спина была прямой, походка уверенной. Алиса осталась стоять, чувствуя, как сердце бешено колотится. Он что-то знал. Или догадывался. И этот разговор, похожий на обмен любезностями, на самом деле был предупреждением.

Она поняла, что только что, сама того не желая, вступила на территорию, где ей не место. И что глаза этого «идеального мужа» видят гораздо больше, чем он показывает. И что её блокнот, спрятанный в сумочке, стал первым доказательством того, что за блестящим фасадом этой свадьбы скрывается нечто тёмное, холодное и опасное.

Сказка продолжалась, но для Алисы она только что стала триллером. И она только что написала первую строчку истории, которая может разорвать эту идеальную картину на части.

Глава 2. Женское чутьё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.